

НАШИ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

15

Судя по всему, будущее нашего музыкального искусства зависит не только от таланта музыкантов, но и от их предприимчивости при устройстве своей судьбы. Например, для того, чтобы попасть на престижный музыкальный конкурс и, в случае удачного выступления, упрочить славу отечественного искусства, им приходится теперь самостоятельно отыскивать возможности для заграничной поездки. История блестящей победы Олега СОЛДАТОВА, 27-летнего ленинградца, на международном конкурсе имени Артуро Тосканини в Парме (Италия) только подтверждает, что путь наших конкурсантов в дальние страны отнюдь не усыян розами...

Солдатов — студент V курса Ленинградской консерватории по классу доцента Р. Мартынова и одновременно самый молодой в стране главный дирижер симфонического оркестра (пока, правда, «исполняющий обязанности») в Томске.

— Олег, как вы стали участником этого конкурса?

— По собственной инициативе. Отправил в Парму заявку — в числе других 305 музыкантов из разных стран. 35 человек было отобрано для участия в предварительном прослушивании, и я — в их числе.

— Прежде чем испытать свои творческие возможности, нужно было пройти другое, прозаическое, испытание — попасть в Парму. Но как?

— Существуют разные варианты. Можно попытаться устроить себе частный вызов. Двое моих коллег, тоже участвовавших в конкурсе, так и сделали. У третьего — рижанина — был свой менеджер. Мне пришлось труднее всех, но в конце концов удалось найти спонсора — ленинградскую фирму АВЭКС (Ассоциация внешнеэкономических связей). Она-то и снабдила меня валютой, из которой половина ушла на вступительный взнос конкурсанта, остальное — на проезд и проживание.

— Да, не разгуляешься. Наверно, сэкономили каждую лиру, жили впроголодь?

— Вы знаете, нет. У нас, пятерых советских участников, был другой капитал, который всегда с нами: находчивость. И — взаимопомощь. Все это помогло продержаться во время предварительного прослушивания, а затем Дмитрий Дубов, Сергей Хорьков и я вошли в семерку, прошедшую на так называемый «курс», или семинар, предшествовавший полуфиналу, и следующие десять дней мы уже жили за счет конкурса.

Самый «приятный» сюрприз ждал меня по возвращении в Ленинград: неожиданно получаю письмо из Пармы с пометкой «Срочно. Авиа», посланное задолго до конкурса. И в нем подробнейшая информация о всех пармских гостиницах, из ко-

ЗА РУБЕЖОМ — МАЭСТРО,
А ДОМА...

торой я понял, что вполне мог подобрать себе куда более подходящее, по моим средствам, жилье. Так что отчасти своими финансовыми затруднениями я обязан «расторпности» Минсвязи СССР.

— Скажите спасибо, что вообще получили письмо, хоть на память. Ну, а теперь о творческих трудностях: как проходил конкурс?

— Мы выступали с Пармским симфоническим оркестром, который тоже носит имя Артуро Тосканини. Правда, в нем нет седовласых опытных музыкантов, помнящих великие интерпретации. Коллектив молодой, веселый, жизнерадостный и...

не очень сильный. Это создавало дополнительные сложности.

Самое интересное и полезное на конкурсе — это «курс», который вел президент жюри. В этом году им был Рудольф Баршай, в прошлом наш известный дирижер, создавший 30 лет назад Московский камерный оркестр. 17 лет назад он эмигрировал и теперь живет в Швейцарии. Баршай занимался с каждым из нас семерьх в отдельности, и это была великолепная школа — общение с таким блестящим мастером и тонким педагогом (хотя, как ни странно, у него нет никакого педагогического опыта)!

— А насколько острой была «борьба» на заключительных этапах?

— Состав в полуфинале был на редкость сильный — далеко не каждый конкурс может таким похвастаться. К финалу осталось трое: японский дирижер, американский и я. В Италии я сделал для себя вывод, что все-таки наиболее «конкурентоспособными» школами остаются японская и наша, ленинградская.

— Вам приходилось раньше исполнять произведения, включенные в конкурсную программу?

— Только два — 8-ю симфонию Бетховена и увертюру из «Оберона» Вебера. Все остальное — впервые. Это, конечно, очень трудно. Но на то и конкурс, чтобы показать себя в экстремальных условиях.

— Победа на таком смотре дает вам что-то более ощутимое, нежели моральное удовлетворение? Открывает, например, дорогу в интересные коллективы?

— Как сказать... Дорогу — нет. Единственное — появляется шанс, что кто-то влиятельный в музыкальном мире посмотрит на тебя чуть более пристально, и можно будет рассчитывать на интересное предложение. Но вообще дирижеры в Советском Союзе уже давно ищут себе работу сами.

— Где же вы мечтаете найти ее — в симфоническом оркестре, в оперном театре?

— В моем положении не выбирают. Театр — так театр, филармония — так филармония...

Будем надеяться, что Олегу Солдатову повезет и «кто-то влиятельный» заметит и поддержит талантливого дебютанта. Нашлись же хорошие люди, ссудившие его валютой, — тоже ведь повезло. Судьба таланта у нас — вообще дело случая. Мы ведь так богаты, что можем позволить себе подобную расточительность. Это уж когда начнется повальная утечка мозгов — тогда и будем думать, что же делать. А сейчас? Сейчас, видно, время еще не пришло.

Галина ЧЕРМЕНСКАЯ.